

References

1. Anglo-russkie yazykovye kontakty. L. : LSU Publ., 1978. 151 p.
2. Valgina N. S. Aktivny'e processy v sovremennom russkom yazyke. M.: Logos, 2001. 302 p.
3. D'yakov A. I. Slovar` anglijskix zaimstvovaniy russkogo yazyka. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2010. 588 p.
4. Krysin L. P. Slovar` inostranny`x slov. M.: Russkiy yazyk, 1998. 856 p.
5. Sumczova O. V. Prichiny` ispol'zovaniya anglicizmov v russkom molodezhnom slenge // Molodoy uchenyj, 2012, № 4 (39), pp. 247–250. Available at: <https://moluch.ru/archive/39/4539>.
6. Tolkovyj slovar` Ozhegova. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29597>.

doi 10.21672/1818-4936-2021-78-2-087-091

ПРИТЧА КАК ЖАНР НОВОГО ЗАВЕТА

Шатохина Галина Николаевна, аспирант, старший преподаватель, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, galyos@mail.ru

В статье даётся определение понятия «притча» как одного из жанров Нового Завета. Рассматриваются основные коммуникативные компетенции, формирующие специфику притчи как вид жанра. Объясняется взаимосвязь притчи и пословицы, приводятся примеры из Нагорной Проповеди в Евангелии от Матфея. В статье описываются экстралингвистические и лингвистические признаки притчи, а также подчёркивается её метафоричность.

Ключевые слова: притча, библейский жанр, Новый Завет, Евангелие, компетенция, образность

PARABLE AS A GENRE OF THE NEW TESTAMENT

Shatokhina Galina N., postgraduate student, senior lecturer, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., galyos@mail.ru

This article gives a definition of the concept of parable as one of the genres of the New Testament. The main communicative competences that form the specificity of the parable as a kind of genre are considered. An explanation of the relationship between a parable and a proverb is given, and examples from the Sermon on the Mount in the Gospel of Matthew are given. The article describes the extralinguistic and linguistic features of the parable, as well as emphasizes its metaphor.

Keywords: Parable, biblical genre, New Testament, Gospel, competence, imagery

В качестве универсальной коммуникативной единицы речевой жанр может быть определён как некая взаимоусловность общения, являющаяся общей для всех говорящих и имеющая в своей основе систему традиционных соглашений, установившихся исторически и позволяющих донести до адресата необходимую информацию, заложенную автором.

По мнению М.М. Бахтина, жанры выступают в качестве «внеязыкового» явления, которые также и «междуязычны, интернациональны», однако имеют способность воплощаться на том или ином языковом материале. Речевой жанр – это «типическая форма высказывания», подобная «типическим ситуациям речевого общения» – «по теме, по композиции, по стилю» [2, с. 54].

Для того чтобы охарактеризовать жанр с точки зрения прототипической формы, нужно принимать во внимание такие показатели, как цель высказывания, предмет высказывания и ситуацию, в которой это высказывание произнесено.

С исторической точки зрения жанр выступает в качестве некоей традиции, которая последовательно воспроизводится в культуре речевого общения; с точки зрения синхронии жанр является парадигмой некоторого коммуникативного акта, созданного автором, другими словами, совокупностью исторически обусловленных интерактивных компетенций («определённых возможностей») высказывания. С точки зрения диахронии жанр определяется «как композиционно определённое целое, и жанровые зародыши (тематические и языковые) с ещё не развившимся твёрдым композиционным костяком, – "первофеномены" жанров» [7, с. 513].

Если характеризовать Писание как Богочеловеческую книгу, то его изучение необходимо строить на тех же принципах литературы, которые лежат в основе частей Библии. По причине того, что каждый жанр имеет в своей основе определённые законы и свойства, нужно провести их анализ для экзегетики. Если не учитывать особенности того или иного литературного жанра, то анализ текста, относящегося к определённому жанру, может быть произведён некорректно: в этом случае произведению будут приписаны свойства, которые не характерны для него. К примеру, если это притча, то наиболее важную роль в ней играет не историческая достоверность, а заложенный в ней смысл, абсолютно так же, как и библейская генеалогия, не имея в своей основе совершенную точность, выдвигает на первый план суть заложенного божественного учения.

В общей теории литературы как поэтические, так и прозаические тексты можно разделить на три рода: эпос, лирику и драму.

Представленные роды, в свою очередь, подразделяются на большое количество жанров и видов. Они определяются по наличию тех или иных признаков, свойственных каждому жанру. Отметим также, что такие понятия литературоведения, как *род* и *вид*, часто рассматриваются как схожие.

Основу для характеристики библейского жанра составили исторически сложившиеся жанры, которые были известны со времён Античности и в культуре Древнего Востока, а также жанров, выработанных при изобретении непосредственно священной письменности. Из основных жанров можно выделить следующие: агаду, апокалиптический жанр, апологию, аретологию, басню, биографию и автобиографию, благословения и проклятия, генеалогию, гимн, деяния, доксологию, Евангелие, Завет, загадку, летопись, миф, пословицу, притчу, указ, пророческие речения и т.д.

Итак, большое количество перечисленных жанров, присутствующих в Библии, свидетельствует о том, что Слово Божье, которое обращено к людям, отражает в себе литературные особенности, свойственные той или иной эпохе.

Осознание особенной природы литературного жанра и свойственного только ему способа отражения мысли и показа того или иного события даёт возможность наиболее полно понять смысл Священного Писания, потому что, как говорит блаженный Августин, «Писание имеет свой язык, а кто этого языка не знает, смущается» [Толкование на Ин. 10:2].

Особый интерес заслуживает жанр притчи, который мы рассмотрим подробнее.

Опираясь на исследования М.М. Бахтина, литературовед В.И. Тюпа говорит о том, что первоисточниками большого количества повествовательных жанров выступают сказание, притча и анекдот [7, с. 12]. Типология коммуникативных стратегий базируется на доводе, исходя из которого за художественным рассказом исторически стоят три стратегии, которые берут начало от художественных устных жанров сказания, притчи и анекдота и наиболее адекватно представляют формы речевого поведения, постоянно воспроизводимого в процессе развития литературы.

Три коммуникативных компетенции неотделимы друг от друга, их реализация формирует специфику жанра, определяемую следующими параметрами: 1) коммуникативный статус; 2) адресность; 3) особая специфика, присущая тексту того или иного жанра.

Если рассматривать синхронический аспект жанра, то он отличается триединством, заключающимся в реализации трёх компетенций: референтной, креативной и рецептивной. Так называемая речевая «маска» (понятие, введённое в обиход М.М. Бахтиным) или, другими словами, авторский стиль отражает креативную составляющую жанра. Авторское новаторство с учётом референтной (или предметно-тематической) компетенции управляет рецептивной компетенцией.

Референтный, креативный и рецептивный компетенции речевого акта отвечают необходимым параметрам предмета, цели и ситуации высказывания.

Предметно-тематические конвенции, которые объясняют референтную компетенцию жанра, определяют присущие ему концепты героя и картины мира. Такие категории, как позиция автора и речевая маска, составляют текстообразующую конвенциональность субъекта и формы высказывания как целого (что составляет креативную компетенцию жанра). Суть рецептивной компетенции жанра – в смыслополагающей конвенции «концептированного» (по мнению учёного Б.О. Кормана), адресата (концепт читателя или слушателя, его коммуникативной компетентности: «идеальный» субъект восприятия художественного текста (в отличие от эмпирически-реальных реципиентов)) [4, с. 189].

Креативная компетенция находится в прямой зависимости от того, какую речевую роль придаёт излагаемому субъект сообщения: статус знания, убеждения, мнения или понимания. Что касается притчи, то в её коммуникативной ситуации субъект, который произносит речь, имеет такую компетенцию, как убеждение. В качестве речевой «маски» у притчи выступает «авторитарная риторика императивного, монологизированного слова» [7, с. 15], это императивный монолог, который ориентируется, прежде всего, на сознание читающего; в диалоге притчи роли имеют чёткое и иерархичное распределение: есть некий учитель (тот, кто поучает) и так называемый ученик (читатель, которого поучают). В качестве примера приведём притчу «О верблюде и игольных ушках» (Мф. 19: 23-24; Мр. 10:24-25; Лк. 18: 25), в которой Иисус Христос даёт наставления богатому юноше (Мф. 19: 16-22), обращаясь к Нему не иначе как «Учитель благий!», а далее наставления следуют и для учеников Иисуса Христа с Петром во главе (Мф. 19: 25-30). Притча представляет собой монолог Иисуса Христа, содержащий два декларатива с намеренным усилением: «истинно говорю вам...», «ещё говорю вам...», в котором он дважды повторяет одну и ту же мысль, тем самым акцентируя на ней внимание слушающих.

Кроме коммуникативного статуса различать высказывания можно также средствами рецептивной жанровой компетенции – целенаправленной ориентации на адресата. Рецептивная компетенция притчи представляет собой интерпретацию и извлечение слушателем урока. Адресат притчи должен обладать регулятивной коммуникативной компетенцией: притча должна быть истолкована (т.е. включает рецепцию адресата) и извлечения для себя определённого урока. К примеру, в притче «О двух должниках» (Лк. 7: 36-43) фарисей, усомнившись (Лк. 7: 36-40) и выслушав слова Иисуса Христа, сам делает вывод, который и объясняет поведение Учителя (Лк. 7: 43).

Истолковать смысл притчи может и сам рассказчик, однако регулятивная проекция отражённого в притче общественного и человеческого опыта на свою жизнь может быть понята лишь слушателем. Заметим, что такая особенность притчи, как символичность, только стимулирует личностное восприятие. В качестве примера приведём содержание притчи «О хлебе детей и псах /о спасении дочери язычницы/» (Мф. 15: 22-28; Мр. 7: 25-30). В этой притче Иисус Христос говорит язычнице о том, что её просьбу выполнить невозможно: «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15: 26), однако мать настаивает в своей просьбе спасти её дочь, применяя инсказание, которые и так было предложено Иисусом Христом: «но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15: 27).

Для притчи несвойственно содержание свободно-игрового или неправильно понятого восприятия: то, что слушается, должно быть воспринято авторитарно (то есть так и никак иначе). Отметим эту особенность в притче «О закваске фарисейской» (Мф. 16: 1-12; Мр. 8: 15; Лк. 12: 1-3). В данной притче Учитель изначально говорит об опасности (Мф. 16: 6) и объясняет, к чему может привести неправильная интерпретация (Мф. 16: 8-11): «как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского» (Мф. 16: 1-12).

Референтная компетенция (бытийная компетенция персонажа нарратива) строится в контексте картины мира, которая создаётся непосредственно текстами того или иного речевого жанра. В этом случае показывается не только этот самый мир, но и человек в этом мире и его поступки. Перед персонажем притчи всегда стоит нравственный выбор: добро или зло. Это составляет её дуалистичность.

Также притча выстраивает императивную картину мира, которая требует от персонажа ответственности за свой выбор. Персонаж при этом следует (либо не следует) определённым законам нравственности. В притче главные герои выступают, по мнению С.С. Аверинцева, в качестве «субъектов эстетического выбора», но не «объектов» эстетического наблюдения [5, с. 305]: персонажи делают выбор и должны нести ответственность за него. Примером может выступать притча «О лисицах и птицах небесных» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 57-62), в которой Иисус Христос требует от учеников сделать выбор между добром и злом. Картина мира, которая описана в нарративах с сюжетом телеологического характера, как правило, свойственна двойственная мораль, и герой, который в ней задействован, в конце пожинает плоды своего выбора. Примером таких притч могут служить следующие: «О неверном управителе» (Лк. 16: 1-13), «О десяти девах» (Мф. 25: 1-13), «О талантах» (Мф. 25: 14-30), «О десяти минах» (Лк. 19:11-27).

По мнению М.М. Бахтина, существует разграничение на простые и сложные речевые жанры, которые «в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) речевые жанры» [2, с. 251]. Это позволяет

говорить о том, что при такой интерпретации в качестве притчи могут выступать целые пьесы, повести и даже романы. Иногда при детальном изучении самостоятельными притчами выступают и пословицы.

По мере развития культуры притча становилась главным эталонным жанром. Особенно это наблюдалось в культурах, «тяготеющих к дидактике и аллегоризму», таких, как поучительная проза Ближнего Востока (Ветхий Завет, сирийские «Поучения Ахикара», Машолим Талмуда), а также в христианской и средневековой литературе (С.С. Аверинцев) [5, с. 305].

Основополагающей формой письменности мудрецов принято считать машал (в переводе на русский – притча), который определяется как «краткое, выразительное изречение, близкое к народной мудрости, сохранившейся в пословицах» [3]. Машалу свойственны все характеристики притчи, а именно сосредоточение духовного смысла, отражающего мудрость и жизненный опыт. Для него характерны символы, обобщения, иносказания, наставления и поучения. В этом заключается его главная функция.

В Ветхом Завете слово «машал» (машаль) обозначает и притчу, и пословицу, и басню. Возможность сближения этих трёх жанров объясняется их поучительной направленностью и некоей символичностью.

Итак, сделаем вывод о том, что притча – это жанр литературы дидактико-аллегорического характера, представляющий собой короткий поучительный рассказ, отражающий нравственные устои общества.

В отличие от басни, притча имеет различия в форме выражения поучительного текста, особенностях сюжета и средств художественной выразительности, а также проблематике и в содержании.

Близость таких жанров, как притча и пословица, можно объяснить сходными чертами: аллегоричность, назидательность, преобладание глубинной мудрости. По мнению исследователя В.И. Тюпы, притча имеет риторические пределы: «с одной стороны - проповедь, где притча нередко встречается в качестве нарративного вкрапления, с другой - паремия, до которой притча редуцируется в случае устранения нарративности» [7, с.20-21].

Данные выводы подтверждаются при изучении некоторого материала. К примеру, в Евангелии от Матфея Нагорная проповедь Иисуса Христа (Мф. 5-7) содержит около десятка притч: «О соли» (Мф. 5: 13); «О свете мира» (Мф. 5: 14); «О свече на подсвечнике» (Мф. 5: 15-16); «О сокровищах на земле и на небе» (Мф. 6: 19-21); «О светильнике для тела» (Мф. 6:22-23); «О слуге двух господ» (Мф. 6: 24); «О птицах небесных» (Мф. 6: 26); «О полевых лилиях и траве полевой» (Мф. 6: 28-30); «О сучке и бревне» (Мф. 7: 3-5); «О жемчуге и свиньях» (Мф. 7: 6); «Об отце и сыне /просящем хлеба и рыбы/» (Мф. 7: 7-11); «О тесных вратах» (Мф. 7: 13-14); «О дереве и плодах» (Мф. 7: 15-20); «О доме на камне и доме на песке» (Мф. 7: 24-27). В этих же притчах мы сталкиваемся с такими пословицами: «Кто не со мною, тот против Меня» (Мф. 12: 30), «Дерево познаётся по плоду» (Мф. 12: 33).

Со временем многие притчи стали приобретать проповеднический характер, передавая общественный опыт религиозно-нравственного характера посредством описания житейской ситуации. Это было сделано пророками для обращения к народу с проповедями [6]. Уже в «Книге притчей Соломоновых» машал выступает как маленький рассказ, который благодаря аллегориям приобретает поучительный характер. Данная тенденция наблюдается и в притчах Нового Завета: «Все сие Иисус Христос говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: "отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира"» (Мф. 13: 34-35).

Евангельские притчи, которые были рассказаны самим Иисусом Христом – Сыном Божьим, являются Божественным Откровением (один из шести первичных жанров фидеистической коммуникации, или жанров «вещего» слова), то есть «прямой речью Бога, содержащей истины о мире, его будущем и путях спасения человека. Откровение дано самим Богом и записано для людей, "транслитерировано" через пророков» [6, с. 81].

Для евангельской притчи характерны следующие признаки:

1) экстралингвистические: общечеловечность, обязательность этической оппозиции, доминирование идейного плана над изобразительным, отсутствие временных, пространственных характеристик и индивидуализации персонажей, лапидарность;

2) лингвистические: контекстность, недискретная образность, упрощённая тропеистика, конкретика и зримость образного мышления притчи. Общечеловечность евангельских притч определяет непреходящую ценность данных культурных констант,

в частности, для христианских цивилизаций. Общечеловеческое превалирует над национальным, поскольку в основе притчи лежат вечные нравственные истины.

Новозаветная притча – «рассказ с нравоучением» (Д. Ропс), «от которого требовался не столько точный пересказ каких-либо происшествий, сколь выявление глубокой вечной истины». В притче, отличающейся «тяготением к глубинной "премудрости" религиозного или моралистического порядка» [5, с. 305], всегда сосуществуют три плана: образно-предметный, событийный и смысловой.

Взаимное обособление «мысли» и «образа» определяет двуединый характер притчевой формы: противостояние и связь присутствующих в притче «образа» и «мысли», выводимая из образа мысль задаёт образ-иллюстрацию.

Притче присуща целостная, недискретная образность: притча символична, что обеспечивается назидательным подтекстом. Объяснение скрытого смысла притчи может быть приведено в тексте. Так, толкование притчи самим Иисусом в синоптических Евангелиях приводится лишь трижды (к притче «О сеятеле» (Мф. 18: 18-23; Мр. 4: 13-20; Лк. 8: 9-15) и к притчам «О входящем в человека извне и исходящем из человека» (Мф. 15: 16-20; Мр. 7: 18-23), «О закваске фарисейской» (Мф. 16: 1-12; Мр. 8: 15; Лк. 12: 1-3)), но чаще только подразумевается. Интерпретация обычно не даётся, так как притча в силу своей иллюстративности освещает какую-либо ситуацию в другом ракурсе, становится поводом для личностного восприятия, извлечения урока. Контекстность евангельской притчи является обязательным параметром.

Притча – это всегда «текст в тексте»: она не существует изолированно; включённость в контекст, который формирует и описывает ситуацию, вызывающую её к жизни, делает притчу уместной, даёт повод к её изложению.

Итак, мы выяснили, что притча – это один из многочисленных жанров Библии, который был известен ещё со времен Античности и в культуре древнего Востока. Это жанр литературы дидактико-аллегорического характера, представляющий собой короткий поучительный рассказ, отражающий нравственные устои общества. Изучив Нагорную Проповедь Иисуса Христа в Евангелие от Матфея, мы пришли к выводу, что притча имеет много общего с пословицей, что объясняется наличием сходных черт, таких, как аллегоричность, назидательность, преобладание глубинной мудрости. Притча выполняет перлокутивную функцию, направленную на изменение сознания адресата, которое может произойти даже через значительный промежуток времени. Всё это делает притчи, изложенные в Евангелиях, уникальным жанром.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М. : Наука, 1997.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 249–299.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с приложениями. – Брюссель, 1989.
4. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина / Б. О. Корман // Проблема автора в русской литературе XIX–XX вв. – Ижевск, 1978. – С. 188–189.
5. Литературный энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1987.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998.
7. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика / В. И. Тюпа. – Новосибирск, 2002. – Вып. 5. – С. 5–31.

References

1. Averintsev S. S. Poetika rannevizantiyskoy literatury. M.: Science, 1997.
2. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov. Avtor y geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnih nauk. SPb.: Azbuka, 2000, pp. 249–299.
3. Bibliya. Knigi Svyashennogo Pisaniya Vethogo I Novogo Zaveta. V russkom perevode s prilozheniyami. Brussels, 1989.
4. Korman B. O. Iz nabludeniy nad terminologiyey M.M.Bahtina. Problema avtora v russkoy literature 19-20 vv. Izhevsk, 1978, pp. 188–189.
5. Literaturniy enciklopedicheskiy slovar. M.: Sov. encycl., 1987.
6. Mechkovskaya N.B. Yazik y religiya. M.: Agency "FAIR", 1998.
7. Tyupa V. I. Ocherk sovremennoy narratologii. Kritika y semiotika. Novosibirsk, 2002. Iss. 5, pp. 5–31.